

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА

УДК 821.161.1

DOI: 10.25991/3033-604X.2026.31.52.009

И. С. Богданов*

ЗАДАЧИ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ В ПОСТАНОВКЕ НАУЧНЫХ ПРОБЛЕМ**

***Аннотация:** в статье рассматривается вопрос функционального предназначения литературной критики и ее продуктивных перспектив. На примере аналитичной и усиленно документированной статьи Д. Н. Кожачкиной «Эпистолярное наследие и художественное творчество Елены Гуро: деконструкция автобиографического мифа писательницы» (2025) показано, что критическая статья, которая обыкновенно связана прежде всего с множеством вопросов интерпретации идейно-тематического уровня произведения, рассмотрения его содержательного контента, анализа поэтологических особенностей, в том или ином случае может оказать и иное воздействие на текст и на восприятие реципиента. Наряду с традиционными функциями обзора и анализа художественного произведения критика способна инициировать выявление новых проблем, поставить под сомнение традицию уже сложившейся интерпретации отдельного литературного произведения или явления в целом. На материале статьи Д. Н. Кожачкиной прослежена стратегия анализа «Pro et contra» и поставлен ряд вопросов как о наследии Елены Гуро, художника и писателя первого русского авангарда, так и о прие-*

* Богданов Иван Сергеевич — аспирант Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, ассистент кафедры культурологии, педагогики и искусств Русской христианской гуманитарной академии им. Ф. М. Достоевского; ivan-bogdanov-97@mail.ru

Ivan Sergeevich Bogdanov — postgraduate student at the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University; Assistant Professor at the Department of Cultural Studies, Pedagogy and Arts, Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky; ivan-bogdanov-97@mail.ru

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00636, <https://rscf.ru/project/24-18-00636/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского.

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 24-18-00636, <https://rscf.ru/en/project/24-18-00636/>; Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky.

мах и целях литературной критики.

Abstract: *the article examines the question of the purpose of literary criticism and its productive functions. Using the example of the analytical and heavily documented article by D. Kozhachkina “Epistolary heritage and artistic creativity of Elena Guro: deconstruction of the autobiographical myth of the writer” (2025), it is shown that a critical article, which is usually associated with a variety of issues of interpretation of the ideological and thematic level of the work, consideration of its substantive content, analysis of poetological features, in one way or another. In this case, it may have other effects on the text and on the recipient. Along with the traditional functions of reviewing and analyzing a work of fiction, it is able to initiate the formulation of new problems, to question the tradition of an already established interpretation of a particular literary work or phenomenon as a whole. Based on the article by N. Kozhachkina, the strategy of the “Pro et contra” analysis is traced and a number of questions are raised about the legacy of Elena Guro, an artist and writer of the first Russian avant-garde, as well as about the techniques and methods of literary criticism.*

Ключевые слова: *литературная критика, функции критики, Елена Гуро, русский авангард, эпистолярное наследие, автобиографический миф, деконструкция, интерпретация, поэтология, стратегия анализа Pro et contra, рецензия, документальная статья.*

Keywords: *literary criticism, functions of criticism, Elena Guro, Russian avant-garde, epistolary heritage, autobiographical myth, deconstruction, interpretation, poetology, Pro et contra analysis strategy, reception, documentary article.*

Как известно, основная задача литературной критики, находящейся на грани между точной наукой и очерковой публицистикой, состоит в истолковании художественного произведения, прозаического, драматического или поэтического. Литературный критик предлагает читателю интерпретацию художественного текста с точки зрения современности (актуальности восприятия), предоставляет некоторые сведения об истории создания произведения и — в главном — анализирует его поэтику (тема, проблема, идея, герой, сюжетно-композиционное построение и др.). Между тем существенной функцией критики как науки становится и постановка проблемы, стремление выявить новые грани художественного произведения, нередко вступая в профессиональное столкновение с точкой зрения других специалистов, исповедующих иную позицию. То есть не только само художественное произведение, но и его критическое осмысление может инициировать некую новую проблематику, поставить перед читателями и специалистами-филологами новые вопросы.

В недавнее время от современной литературной критики во многом зависела интерпретация «забытых» и «запрещенных» художественных произведений советского времени. Актуальной оказывается и реинтерпретация художественного произведения не только недавнего андеграундного прошлого, но и текстов классической русской литературы (см. об этом: [4; 5; 6]). Но критика берет на себя и вопросы *исторические*, когда изменение ментального состояния

общества неизбежно влияет на, казалось бы, вполне устоявшиеся представления о восприятии творчества того или иного писателя. Смена ментальной парадигмы заставляет подвергнуть переоценке прочно сложившиеся каноны и пересмотреть их константность. Примером тому может послужить восприятие в критике творчества известной художницы и писательницы времен первого русского авангарда Елены Генриховны Гуро (1877–1913).

Относительно творчества Елены Гуро и ее места в рамках авангардного искусства начала XX в. давно и прочно сложилась устойчивая традиция. Практически все исследователи (современники Гуро и более поздние референты) отмечали, что для творчества художника и писателя Гуро характерен жанрово-родовой синкретизм: она с большим мастерством умела соединить в своих произведениях живопись, графику, поэзию, прозу, музыку. Основной доминантой ее мировосприятия неизменно признавалось пантеистическое ощущение единства природного и социально-культурного мира. Главенствующей темой литературного творчества было принято считать провозглашенное ею «всеобщее материнство», которое признавалось окружающими и закреплялось за лирическим субъектом ее прозы и поэзии. Между тем, как было сказано выше, новые времена порождают новые представления о прошедшем и, как следствие, пробуждают новые взгляды на концепцию творчества писателя, а нередко и на саму личность творца. Применительно к творчеству и личности Елены Гуро такую радикально-революционную миссию взяла на себя критик и филолог Д. Н. Кожачкина, подготовившая яркую, обильно документированную и весомо убедительную статью «Эпистолярное наследие и художественное творчество Елены Гуро: деконструкция автобиографического мифа писательницы» [13, с. 197–234]. Прodelанный объем работы Д. Н. Кожачкиной впечатляет — на основе скрупулезного анализа архивного материала она сумела решительно переосмыслить «миф Елены Гуро», представив писательницу начала прошлого века с совершенно новой и по всем параметрам неожиданной точки зрения.

Прежде всего Д. Н. Кожачкина продемонстрировала необычайную тщательность в обработке архивов Е. Гуро, которые хранятся в РГАЛИ (ф. 134), РО ИРЛИ (ф. 636), РНБ (ф. 1116). Исследователь преимущественно опиралась на эпистолярный художницы и предприняла серьезную попытку датировки писем, что позволило восстановить хронологию важных жизненных событий прошлого. По убеждению Д. Н. Кожачкиной,

«...случай Гуро парадоксален: ее архивы изучались и неоднократно, хоть и фрагментарно публиковались, однако это не привело ни к прояснению ее биографии, ни к переоценке “иконописного” облика писательницы, появившегося благодаря мемуарам Матюшина» [13, с. 200], мужа писательницы.

Для подтверждения подобного наблюдения Д. Н. Кожачкина обращается к нескольким исследованиям последнего времени (статья Т. Л. Никольской

и Р. В. Дуганова из биографического словаря «Русские писатели, 1800–1917» (1992), каталог выставки к 80-летию со дня смерти Елены Гуро с хроникой жизни писательницы, подготовленной А. В. Повелихиной (1994), вступительная статья А. Мирзаева к изданию избранных произведений Е. Гуро (2022)) и демонстрирует, насколько «вольно», по сути неверно истолкованы те или иные сведения из архивов Е. Гуро и М. Матюшина. Но, с точки зрения исследователя, большую важность имеет «правильная датировка этапов отношений Гуро и Матюшина» [13, с. 202], существенно влияющая на интерпретацию ее творчества.

Среди фактических ошибок, которые выявляет Д. Н. Кожачкина, например, указание на время, когда Гуро и Матюшин познакомились и когда завязались их личные отношения. Так, если Т. Л. Никольская и Р. В. Дуганов в биографическом словаре называют 1903 г. [18, с. 61], то Кожачкина в фондах РГАЛИ находит письменное подтверждение тому, что эти обстоятельства следует отнести к 1900 г. [13, с. 201]. Более того, как показывает Д. Н. Кожачкина,

«...к лету 1903 г. Матюшин не просто был знаком с Гуро, но инициировал из-за нее бракоразводный процесс со своей первой женой, художницей Марией Ивановной Патцак, прожив с ней около двадцати лет и заведя в этом браке четверых детей» [13, с. 201–202].

В каталоге А. В. Повелихиной [10, с. 64] исследователь обнаруживает другую фактическую ошибку: «<...> датой рождения Гуро почему-то называется 10 января 1877 г. <...>, хотя другие источники указывают 18 мая» [13, с. 202]. И подтверждение последнему Д. Н. Кожачкина находит в переписке Гуро с Матюшиным [13, с. 202]. Под сомнение ставится и «дворянское» происхождение Е. Гуро, заявленное А. В. Повелихиной [13, с. 202–203].

Д. Н. Кожачкина подвергает переосмыслению даже имя Гуро — Элеонора, которое в самых солидных источниках (например, у И. Ф. Масанова [16]) приводится как настоящее полное имя писательницы. Убедительные рассуждения Д. Н. Кожачкиной заставляют принять, что Элеонора фон Нотенберг — это только литературный псевдоним Гуро, не имеющий ничего общего с ее подлинным именем и происхождением [21, с. 133–141].

Во вступительной статье А. Мирзаева к переизданию избранных произведений Гуро [17, с. 14] Д. Н. Кожачкина выявляет еще одну важную фактическую ошибку, касающуюся замужества Гуро:

«Не ссылаясь ни на какие источники, А. Мирзаев пишет: “В конце 1904 года Гуро и Матюшин стали мужем и женой <...>”. В то же время в архиве Гуро сохранился конверт письма от матери с надписью: “Ее Высокоблагородию Елене Генриховне Матюшиной” — и почтовым штемпелем из Новоселья от 8 мая 1904 г.».

То есть в и данном случае вносимые уточнения исследовательницы следует признать убедительными.

Приводить примеры того, как мастерски Д. Н. Кожачкина обнаруживает фактические ошибки в работах своих предшественников, можно и далее, однако знакомство с этой текстологически выверенной статьей даст реципиенту много больше образцов вольных трактовок фактов (или домысливания), связанных с биографией Елены Гуро.

Кроме фактологии, другую важную особенность статьи Д. Н. Кожачкиной составляет намерение уточнить не только биографический, но и «агиографический» образ писательницы первого русского авангарда, найти следы мистифицированного образа Гуро, по словам исследовательницы, сознательно созданного ею самой и ее мужем музыкантом и художником М. Матюшиным. Д. Н. Кожачкина берет на себя роль ниспровергателя мифа и образа «авангардной “святой”» [13, с. 199]. При этом интенция намерения не просто деконструктивная — по мысли исследователя, подлинный «облик Гуро, который кардинально отличается от “агиографического” <...> заставляет по-новому взглянуть на поэтику ее произведений» [13, с. 202].

Семантическим ядром мифа, который подвергает деконструкции Д. Н. Кожачкина, мифа о «всеобщем материнстве» Елены Гуро, становятся сведения о бытовавшей среди окружения писательницы и художницы веры в то, что она рано потеряла сына, которому и стала посвящать все свои последующие художественные произведения. Д. Н. Кожачкина внимательно инспектирует статьи В. Топорова [20, с. 400–427], Н. Гурьяновой [6, с. 87–99], Е. Тырышкиной [25, с. 150–160] и др. и ни в едином случае не соглашается с мыслью о «компенсаторном характере литературного творчества Гуро в связи с ее несостоявшимся реальным материнством» [25, с. 152–153]. Обращение к переписке Гуро и Матюшина позволяет исследовательнице утверждать, что «данное предположение и вправду далеко от действительности» [13, с. 206].

Что касается истории рождения подобного мифа, то Д. Н. Кожачкина весьма убедительно показывает истоки его появления и исследует те обстоятельства, которые подпитывали этот миф. Прежде всего можно опереться на то, что сама Гуро писала об этом в книге «Небесные верблюжата»: «Видите ли, у меня нет детей, — вот, может, почему я так нестерпимо люблю все живое. / Мне иногда кажется, что я мать всему» [7, с. 121]. Однако ищущая мысль Д. Н. Кожачкиной идет дальше, и исследователь взвешенно и последовательно доказывает, что «мы сталкиваемся с автобиографическим мифом, суть которого состоит не в создании образа сына, а в особой авторепрезентации писательницы как *матери-созидательницы-утешительницы*» [13, с. 207] (курсив автора. — И. Б.).

В попытке деконструировать автобиографический миф Д. Н. Кожачкина прежде всего пытается выявить отношение Гуро к детям, в частности к детям Матюшина и еще не рожденным, но возможным их общим детям. Так, в качестве аргумента Д. Н. Кожачкина приводит письмо Гуро от 8 июля 1902 г., где она сообщает Матюшину:

«Надо тебе сказать, что в настоящее время у нас гостят Огородников, тот самый, которого я отдала за Бальмонта, и его сын 8ми лет, скука смертная — мешают адски, какие-то безрукие оба, для которых все надо делать, и главное, ребенок мне не нравится, впрочем, главное, потому что я не люблю детей, как ты знаешь» (цит. по: [13, с. 207]).

Примечательны два обстоятельства: «не люблю детей» и «как ты знаешь», особенно если вспомнить, что Матюшин — отец четверых детей.

Среди целого ряда «разоблачительных» писем (о покое, о жертвах ради искусства и проч.) Д. Н. Кожачкина приводит и еще одно послание Гуро к Матюшину (лето 1907): «Случилось несчастье — я, кажется, беременна» (цит. по: [13, с. 210]). Беременность воспринимается «матерью всему» как несчастье — энтузиазм Д. Н. Кожачкиной становится все более понятным, обоснованным и убедительным. Исследовательница уверенно и настойчиво доказывает, что Гуро не была готова рожать и растить детей, жертвовать ради них своим творческим временем.

Проанализированные письма приводят современную исследовательницу к предположению, что в своем творчестве в образе умершего сына Вильгельма Гуро сознательно воссоздавала и переосмысливала собственную детскость, апеллировала к детскости музыканта и художника философа-пантеиста Матюшина, к их общему неумению устроиться в жизни и в любви. Обращаясь к текстам Гуро, Д. Н. Кожачкина показывает, что «любовь Гуро к детям — это на деле любовь к *своему* детству и детскому в себе» [13, с. 209] (курсив автора. — И. Б.). Д. Н. Кожачкина убеждена, что «за материнскую любовь к “сыну” писательница выдает опыт любовных отношений с Матюшиным», «в ее записных книжках встречается <...> тенденция — “материнское” отношение к мужу» [13, с. 214]. Более того, в итоге «дитем» Гуро становится искусство: «...искусство нежно, как ребенок», «...я в себе ношу золотистое голубое тело юной вещи...» (и др.) [13, с. 211]. С образом юного сына сливается образ поэта, непонятого и отторгнутого миром, т. е., как считает Д. Н. Кожачкина, Гуро «говорила про себя, но как бы со стороны» [13, с. 212] или, как вариант, утверждает, что «Матюшин мог иметь самое непосредственное отношение к образу Вильгельма» [13, с. 216].

Детальный анализ эпистолярия Гуро и обращение к ее прозаическому творчеству приводят Д. Н. Кожачкину к выводу, что амбиции Гуро толкали ее к тому, чтобы «соответствовать ожиданиям художника, акцентируя собственную исключительность через автопсихологические образы “избранных” (на это же ее толкал и собственный характер)» [13, с. 229]. Жесткое и жестокое переосмысление архивов заставляет Д. Н. Кожачкину настаивать на бесталанности Гуро («лейтмотивом писем становится констатация того, что очередной этюд не удался» [13, с. 205]), утверждать, что «ни великого художника, ни великого поэта из нее не выйдет» [13, с. 212].

Решительность и открытость, с которыми Д. Н. Кожачкина разрушает миф о благообразной Елене Гуро, талантливым художнике и писателе, заставляют

обратить на себя внимание, прислушаться к суждениям тщательного и вдумчиво смелого исследователя, не поддавшегося влиянию устойчивой и устоявшейся традиции, но уверенно выдвинувшего собственную концепцию поэтической миссии Гуро и сущности ее личности, разрушающего мистификацию *ее* и о *ней*. Совершенно очевидно, что статья Д. Н. Кожачкиной «Эпистолярное наследие и художественное творчество Елены Гуро: деконструкция автобиографического мифа писательницы» не пройдет бесследно — как для восприятия поэтической судьбы Елены Гуро и Михаила Матюшина, так и в целом для истории явлений первого русского авангарда. Роль критика и исследователя Д. Н. Кожачкиной блистательно выполнена: она не только по-новому увидела творчество Елены Гуро, но и, без сомнения, поставила важные и актуальные вопросы в осмыслении творческих исканий авангардного искусства начала XX в. Статья Д. Н. Кожачкиной открыла новые перспективы перед современной филологической наукой.

Между тем после знакомства со статьей Д. Н. Кожачкиной о деконструкции автобиографического мифа Елены Гуро остается некое двойственное ощущение, закономерное сомнение: если приведенные исследовательницей факты столь очевидны и неоспоримы, то почему не только нынешние исследователи [2; 6; 14; 15; 19; 24], но и современники Гуро и Матюшина, друзья и коллеги, знавшие их близко, находились под обаянием личности Гуро, искренне переживали ее раннюю смерть, безоговорочно ценили ее художнические и писательские заслуги, признавали ее неоспоримое лидерство на пути нового авангардного искусства. Никто и никогда не говорил о ее неизжитых творческих или «демиургических» [13, с. 222] амбициях, но окружающие с сердечной теплотой вспоминали маленькую и милую хозяйку дома на Песочной. Неужели Гуро удавалось так ловко и коварно мистифицировать (= обманывать) близких, друзей и знакомых?

Чтобы понять отношение современников к Елене Гуро, достаточно привести только некоторые из воспоминаний и оценок, причем далеко не все, но весомые и убедительные, такие, которым можно доверять. Речь о том, что об отношении к Гуро мужа Михаила Матюшина в данном случае следует умолчать — его воспоминания о рано покинувшей его любимой жене могут быть чрезмерно субъективизированными, но сохранились и другие свидетельства.

Так, известно, что в 1909 г. состоялось знакомство Елены Гуро и Александра Блока, когда Гуро служила в литературно-художественном альманахе «Прибой» и иллюстрировала стихи Блока. Как правило, в исследовательских статьях повторяется общая фраза: «Александр Блок оценил стихи Гуро» [2; 4; 6; 14; 15 и др.]. Вряд ли Блок «высоко» оценил стихи Гуро из только что появившегося первого ее сборника «Шарманка» (1909), но п(П)оэт читал ее стихи и, как свидетельствуют современники, приглашал ее печататься в символистских сборниках, участвовать с чтением стихов на проходивших в Петербурге и Москве поэтических вечерах символистов. О встречах с Гуро («глубокий разговор»), об отношении к ее творчеству («достойна внимания»), о судьбе

Гуро («Известие о смерти Е. Гуро») сохранились в дневниковых записях Блока [3, с. 105, 193, 199].

Сумели оценить творчество Гуро и Владислав Ходасевич и Вячеслав Иванов. Специалистам хорошо знакомо суждение объективного и честного литературного критика Ходасевича, который противопоставлял Гуро футуристам и писал:

«Легкая и радостная, всего больше любившая ветер, свободу, море, порой умевшая чувствовать тихие ласки повседневности, она душой была бесконечно далека от унылого и духовно немощного российского футуризма, этого детища скуки, безверия и повального эстетизма <...> В ее прозаических и стихотворных набросках, незаконченных, неуклюжих, как излюбленные ею верблюжата, — чувствуется ее душа, пожалуй, слегка надломленная, но живая, порой даже слишком, даже болезненно впечатлительная» [23, с. 4].

Ходасевич считал, что «ее дарование несомненно» и что дальнейшее развитие поэтического мира Гуро неизбежно привело бы ее к разрыву с футуристами — «для них она была слишком настоящая» [23, с. 4]. Обратим внимание на эпитет чуткого к слову Ходасевича — настоящая.

Заинтересованным реципиентам хорошо знакомо и отношение Владимира Маяковского к Гуро: об этом взвешенно и убедительно писал крупный специалист по искусству первого русского авангарда Н. Харджиев, утверждая и демонстрируя на примерах творческую близость поэтов, приводя доказательства внимательного отношения Маяковского к поэзии Гуро, в частности к ее книге «Небесные верблюжата» [22, с. 204–206].

Соратник Маяковского поэт-футурист Николай Асеев называл Гуро «первым новатором (по старшинству)», считая, что «Маяковский сильно обязан ей...» (цит. по: [22, с. 204]). Исследования показывают, что обязанным был не только Маяковский.

Едва ли лукавые, скорее дружеские и добрые слова о Гуро оставил поэт-футурист Василий Каменский, отмечавший «ее исключительное дарование» — «густое, ветвистое и стройное, как и сосновая роща» [12, с. 88]. В «Пути энтузиаста» Каменский оценивал раннюю книгу Гуро «Шарманка» как немаловажное творческое достижение.

В 1917 г. М. Горький выступал с предложением выпустить прозу и стихи Гуро (по объективным причинам это издание не состоялось).

Уже в более позднее время тонкий поэт и чуткий переводчик Геннадий Айги оставил знаменательное высказывание, требующее внимания. Он писал: «У нас не два великих русских поэта-женщины: Ахматова и Цветаева, а три. Я считаю Елену Гуро тоже великим русским поэтом...» [1, т. 2, с. 115].

Подобные благожелательные суждения поэтов и критиков начала XX в. можно множить: не преувеличивая, можно сказать, что их множество. Вряд ли их исток лежит только в трагедии ранней смерти Елены Гуро или в намеренном

поддержании «мифа» Михаилом Матюшиным и его молодыми учениками-последователями. Авторитет тех, кто писал о Гуро, откликнулся на ее творчество в течение нескольких десятилетий, слишком высок и безупречен. В рамках настоящей статьи не ставится вопрос, кто прав — друзья Гуро или современная исследовательница, нет намерения разрешить возникшую проблему. Важно, что литературный критик, современный филолог Д. Н. Кожачкина сумела подготовить и представить читателям такую статью, которая эксплицировала важный ракурс: *pro et contra*, возможность с иной исследовательской точки зрения взглянуть на творчество Елены Гуро, и которая породила необходимость глубже и объективнее взглянуть на наследие прошлого.

Перспектива дальнейших исследований художественных явлений Серебряного века, на наш взгляд, уже не сможет обойти вниманием эту статью и обяжет будущих критиков и историков литературы внимательнее вглядываться не только в фактологию событий, но и в психологическую атмосферу творчества, особенно такого емкого и яркого периода, как Серебряный век.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айги Г. Материалы. Исследования. Эссе: в 2 т. М.: Вест-Консалтинг, 2006.
2. Бирюков С. Лучезарная суть Елены Гуро // *Homo Legens*. 2013. № 1. С. 408—418.
3. Блок А. Дневник / подгот. текста, вступ. ст. и примеч. А. Л. Гришунина. М.: Советская Россия, 1989. 512 с.
4. Богданова О. В. Русская литература XIX — начала XX века. Традиция и современная интерпретация. СПб.: Изд. РГПУ им. А. И. Герцена, 2017. 732 с.
5. Богданова О. В. Современный взгляд на русскую литературу XIX — середины XX вв. СПб.: Изд. СПбГУ, 2017. 560 с.
6. Бунина С. Н. «Я построю дворец из просветов неба»: поэтика недосказанности в творчестве Е. Г. Гуро // Вестник РУДН. Сер. Литературоведение. Журналистика. 2003—2004. № 7—8. С. 69—74.
7. Гуро Е. Небесные верблюжата. СПб., 1914. 126 с.
8. Гуро Е. Небесные верблюжата / сост. предисл. и коммент. А. Мирзаева. СПб.: Лимбус Пресс, 2001. 335 с.
9. Гурьянова Н. Елена Гуро и русский авангард // *Scando-Slavica*. 1990. Т. 36. S. 87—99.
10. Елена Гуро. Поэт и художник, 1877—1913. Живопись. Графика. Рукописи. Книги. Каталог выставки / сост. А. В. Повелихина. СПб.: Мифрил, 1994. 143 с.
11. Есаулов И. А. Русская классика. Новое понимание. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд. РХГА, 2017. 550 с.
12. Каменский В. Путь энтузиаста. Автобиографическая книга. Пермь: Пермское книжное изд-во, 1968. 240 с.
13. Кожачкина Д. Н. Эпистолярное наследие и художественное творчество Елены Гуро: деконструкция автобиографического мифа писательницы // Литературный факт. 2025. № 4 (38). С. 197—234.
14. Костюк В. В. Поэзия и проза Елены Гуро: к проблеме творческой индивидуальности: автореф. дис. ... к. ф. н. СПб., 2005. 22 с.
15. Ломакина Е. В. Жанровое своеобразие сборника Елены Гуро «Небесные верблюжата»: автореф. дис. ... к. ф. н. Самара, 2009. 19 с.

16. Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: в 4 т. / подготовил к печати Ю. И. Масанов. М.: Изд. Всесоюзной книжной палаты, 1956–1960. Т. 1. А–И. 442 с.
17. Мирзаев А. Вступительная статья // Гуро Е. Небесные верблюжата. СПб.: Лимбус Пресс, 2001. С. 5–14.
18. Никольская Т. Л., Дуганов Р. В. Гуро Елена (Элеонора) Генриховна // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М.: БРЭ; Фианит, 1992. Т. 2. С. 61–62.
19. Пономарева Е. В., Кундаева Н. Н. Жанрово-стилевые характеристики импрессионистского произведения (Е. Гуро «Мелочи») // Вестник ЮУрГУ. Серия Лингвистика. 2011. № 1 (218). С. 44–46.
20. Топоров В. Н. Миф о воплощении юноши-сына, его смерти и воскресении в творчестве Елены Гуро // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. Избранное. М.: Прогресс; Культура, 1995. С. 400–427.
21. Федоров А. Семья Гуро // Федоров А. История, личности, судьбы. Сб. очерков о выдающихся личностях, связанных с территорией современного Струго-Красненского района. [Б. м.]: Издательские решения, 2018. С. 133–141.
22. Харджиев Н. Маяковский и Елена Гуро // Харджиев Н. От Маяковского до Круче-ных. Избранные работы о русском футуризме. М.: Гилея. 2006. С. 204–206.
23. Ходасевич В. Ф. О книге Е. Гуро «Небесные верблюжата» // Русские ведомости. 1915. № 10. 14 января. 4 л.
24. Шаронова А. А. Концепция глубинного сознания Михаила Матюшина и Елены Гуро // Вестник ТГУ. Гуманитарные науки. Философия, социология и культурология. 2009. Вып. 7 (75). С. 132–136.
25. Турыškina Е. Религиозная концепция Е. Гуро и принципы авторской репрезентации в свете апокрифической традиции // Studia Slavica Finlandensia. Helsinki: [IREES], 1999. Т. XVI/1. S. 150–160.

REFERENCES

1. Ajgi, G. (2006). *Materials. Researches. Essay (In 2 Vols)*. Moscow: Vest-Konsalting Publ. (in Russian).
2. Biryukov, S. (2013). The radiant essence of Elena Guro. *Homo Legens*, 1, 408–418 (in Russian).
3. Blok, A. (1989). *Diary*. Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ., 512 p. (in Russian).
4. Bogdanova, O. V. (2017). Russian literature of the nineteenth and early twentieth centuries. Tradition and modern interpretation. Saint Petersburg: RGPU im. A. I. Gercena Publ., 732 p. (in Russian).
5. Bogdanova, O. V. (2017). *A modern view of Russian literature of the nineteenth and mid-twentieth centuries*. Saint Petersburg: SPbGU Publ., 560 p. (in Russian).
6. Bunina, S. N. (2003–2004). “I will build a palace from the gaps of the sky”: the poetics of understatement in the work of E. G. Guro. *Vestnik RUDN. Ser. Literaturovedenie. Zhurnalistika*, 7–8, 69–74 (in Russian).
7. Guro, E. (1914). *Heavenly camels*. Saint Petersburg. 126 p. (in Russian).
8. Guro, E. (2001). *Heavenly camels*. Saint Petersburg: Limbus Press Publ., 335 p. (in Russian).
9. Gur’yanova, N. (1990). Elena Guro and the Russian avant-garde. *Scando-Slavica*, 36, 87–99 (in Russian).
10. *Elena Guro. Poet and artist, 1877–1913. Paintings. Graphics. Manuscripts. Books. Exhibition Catalogue* (Povelihina A. V., compiler) (1994). Saint Petersburg: Mifril Publ. 143 p. (in Russian).

11. Esaulov, I. A. (2017). *Russian classics. A new understanding*. Saint Petersburg: RHGA Publ.? 550 p. (in Russian).
12. Kamenskij, V. (1968). *The path of an enthusiast. An autobiographical book*. Perm': Permskoe knizhnoe izd-vo, 240 p. (in Russian).
13. Kozhachkina, D. N. (2025). Epistolary legacy and artistic creativity of Elena Guro: deconstruction of the autobiographical myth of the writer. *Literaturnyj fakt*, 4 (38), 197–234. (in Russian).
14. Kostyuk, V. V. (2005). *Poetry and prose by Elena Guro: towards the problem of creative individuality: avtoref. dis. ... k. f. n.* Saint Petersburg, 22 p. (in Russian).
15. Lomakina, E. V. (2009). *The genre originality of Elena Guro's collection "Heavenly Camels": avtoref. dis. ... k. f. n.* Samara, 19 p. (in Russian).
16. Masanov, I. F. (1956–1960). *Dictionary of pseudonyms of Russian writers, scientists and public figures (In 4 vols)*. (Vol. 1. A–I). Moscow: Vsesoyuznoj knizhnoj palaty Publ., 442 p. (in Russian).
17. Mirzaev, A. (2001). Introductory article. In Guro, E. *Celestial Camels* (pp. 5–14). Saint Petersburg: Limbus Press Publ. (in Russian).
18. Nikol'skaya, T. L., Duganov, R. V. (1992). Guro Elena (Eleonora) Genrikhovna. In *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskij slovar'*. (Vol. 2, pp. 61–62) Moscow: BRE; Fianit Publ. (in Russian).
19. Ponomareva, E. V., Kundaeva, N. N. (2011). Genre and stylistic characteristics of an impressionistic work Guro "Trivia". *Vestnik YuUrG U. Lingvistika*, 1 (218), 44–46 (in Russian).
20. Toporov, V. N. (1995). The myth of the incarnation of the young man-son, his death and resurrection in the works of Elena Guro. In Toporov, V. N. *Myth. Ritual. Symbol. Image. Research in the field of mythopoetic. Favorites* (pp. 400–427). Moscow: Progress; Kul'tura Publ. (in Russian).
21. Fedorov, A. (2018). The Guro family. In Fedorov, A. *History, Personalities, Fates. A collection of essays on prominent figures associated with the territory of today's Strugo-Krasnensky District* (pp. 133–141). [B. m.]: Izdatel'skie resheniya Publ. (in Russian).
22. Hardzhiev, N. (2006). Mayakovsky and Elena Guro. In Hardzhiev, N. *From Mayakovsky to Kruchenykh: Selected Works on Russian Futurism* (pp. 204–206). Moscow: Gileya Publ. (in Russian).
23. Hodasevich, V. F. (1915). About E. Guro's book "Heavenly Camels". In *Russkie vedomosti*, 10, 14 yanvarya. 4 l. (in Russian).
24. Sharonova, A. A. (2009). The concept of deep consciousness by Mikhail Matyushin and Elena Guro. *Vestnik TGU. Gumanitarnye nauki. Filosofiya, sociologiya i kul'turologiya*, 7 (75), 132–136 (in Russian).
25. Tyryškina, E. (1999). E. Guro's Religious concept and the principles of the author's representation in the light of the Apocryphal tradition. *Studia Slavica Finlandensia. Helsinki, XVI/1*, 150–160 (in Russian).